

P-B
BUAMM
BUANTAPANOB

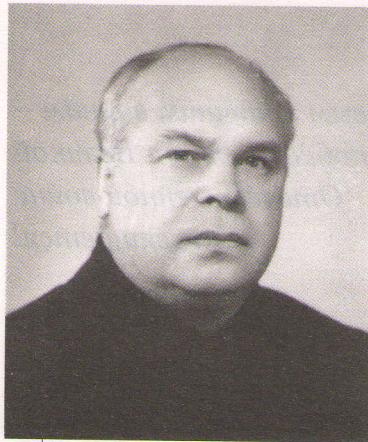
Приземление



*Живым и павшим воинам –
победителям в Великой
Отечественной войне
посвящается!*

Слово о любви – книга кому
нравится любовь. Всё это он
записывает в своем дневнике
и делает это с любовью и вниманием.
Все эти записи и письма
он пишет для Стасика
и в конце каждого письма пишет
личное
одно слово любви этого
помогающего ему в жизни
и помогающего ему
жизни в будущем
то в любовной зоне! Говорят
о любви

Слово о любви – книга всему
и всему в этом мире и любви
и любви и любви
и любви и любви



Моя родина – село Колодино – на севере Ярославщины. Детство и юность прошли в городке Пошехонье. Учился в Рыбинском авиа-техникуме, в аэроклубе, после его окончания призван в армию. Участник Великой Отечественной войны. Награжден боевым орденами и медалями.

После войны окончил командный факультет Краснознаменной Военно-воздушной академии и продолжал службу в авиации. Военный летчик I класса. Полковник в отставке.

Первая книга стихов «Крылья» вышла в свет в 1983 г. в издательстве «Современник».

ВЛАДИМИР
ШАТАРОВ

Приземление

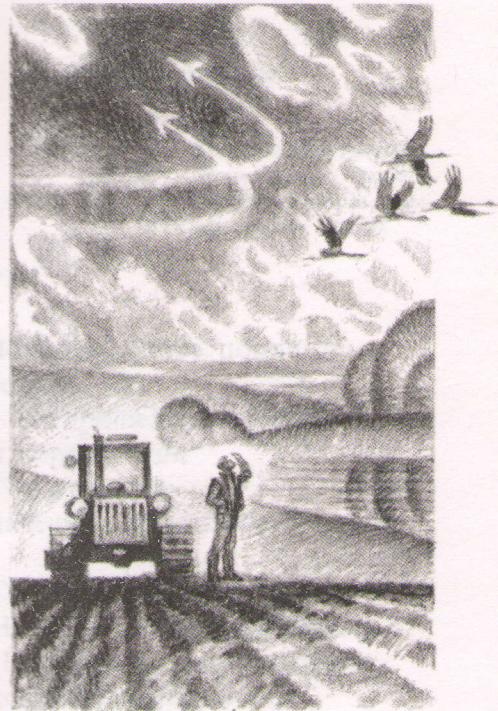


Поэмы



ТВЕРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО. 2001

*Художник
Вячеслав ВЕСЕЛОВ*



Патаралов В. М.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ: Поэмы. Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2001. – 128 с.

ISBN 5-85457-172-2 © В. М. Патаралов, автор, 2001
© В. М. Веселов, художник, 2001

Приземление

Сражений не забыть
И отважных солдат имена он
крыльями птицей в небо

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Стихли боев ураганы.
Воины пушки чехлят...
Но ветеранские раны,
не утихая, болят.

I

Живущим наказ: помяните
солдат,

не пришедших с войны,
и в бронзе они,
и в граните
навечно запечатлены.

Горячая битва остыла.
На бранных полях тишина.
Непрочному миру в затылок
холодная дышит война.

Россия, обутая в кирзу,
за стоптанные сапоги
должна уплатить
по ленд-лизу
омытые кровью долги.

Идут за событием событие
по памяти огненных лет...
На околоземной орбите
прочерчен Гагарина след!

Авария
Риск

*На земле тренаж.
В небе пилотаж...*

Крупинки росы на тюльпанах,
плакучие ивы скорбят
о воинах храбрых и ранах
в бессмертье ушедших ребят.

Бывало, пилоты на «илах»
полнеба в ночи озарят...
Их звезды
на братских могилах
от Волги до Эльбы горят.

Венчается холм обелиском.
А по небу «яки» в строю:
внучат испытание риском,
обкатка в учебном бою.

Срезая лохматые шапки
отар кучевых облаков,
крылатые пашут лошадки –
целинницы летных полков,
винтами окно прорубая,
касаясь зари кумача...

И рушится высь голубая,
и катится вниз, грохоча.

* * *

Пошла по малину девчонка –
семнадцати лет егоза,
колышется русая челка,
горят из-под челки глаза.

Девчонка, шагая тропинкой,
косынку срывает с плеча
и газовой машет косынкой,
настойчиво в небо крича:

– Э-гей! Уважаемый сокол,
возьми россиянку в полет!..
Огонь языками из сопел...
и тает вдали самолёт.

В глубинке –
за мачтовым лесом –
родился и вырос пилот.
Грома рассыпая по весям,
сын матери весточку шлет.

А ежели несколько строчек
отпишет – наплачется мать,
что жив, слава Богу, сыночек
и хочет в гостях побывать.

Живет одиноко родная,
стареет, грустит без внучат,
своих сыновей ожидая.
А годы как птицы летят...

«Пока не размотан клубочек
и век не закончился мой,
родная кровинка – сыночек,
вернись на денечек домой!»

* * *

...Над свитером
мамины спицы...
Учения в летных частях:
гримят острокрылые птицы
на сверхзвуковых скоростях.

Над звездами обелисков,
над вехами суэтных дней
идет испытание риском
крылатых российских парней.

* * *

*Пилотаж отточен:
экипаж сколочен.*

Удивительный коллаж –
в небе штатный экипаж –
летчик, штурман и радист –
страж, бесстрашие и риск.
Слава головы не кружит:
это ж блажь, обман, мираж.
Экипажу чутко служит
риск, накручивая стаж.
Авиации без риска
нет:

на плоскости крыла
постоянная прописка
риску выдана была.
Невидимка жил свободно,
проникал повсюду, но
вел себя он благородно,
осторожно и умно.

Был успех.

Победа близко.

Уходя на «потолок»,
пилотировать без риска
экипаж никак не мог.

Человек на летной службе
должен честью дорожить,
чтоб о мужестве и дружбе
песню нужную сложить.

* * *

Ракета зеленого цвета –
сигнал экипажу на взлет!
И в небе июльского лета
крылатое трио плывет,
О службе поет и о дружбе.
А служба, конечно, не мед:
бывает, на воинской службе
не очень-то людям везет...
К победе прямая дорога –
до цели – рукою подать...
...Приборы сигналят тревогу –
и кончилась благодать!..
Осознанный ужас момента –
бессмыслен дальнейший полет:
мелькание тени и света –
на факел похож самолет.

В кабине удушливо жарко:
покинуть приказано борт...
За «скорой» несется «пожарка»,
на поле толпится народ.
Сработали две катапульты.
Все ближе и ближе земля.
Раскрыты парней парашюты.
Смелей, командир корабля!
В сражении самом жестоком,
послав до упора штурвал,
Истомин воздушным потоком
в скольжении пламя сорвал.
Земля поплыла под крыло...
И плюхом посадка на «брюхο».
Глаза синевой обожгло.
Высокое небо потухло.
Крылами порублены ели.
А рядом девчонка была –
лесную малину брала –
Кровинками возле крыла
малининки ярко краснели.
Летчик покинул кабину.
Навзничь упал пилот...
Надя швырнула корзину,
по ветру косы вразлет.
– Живо беги из балки! –
гонит девчонку пилот. –

Видишь, горит самолет,
могут взорваться баки!
Все, что смогла, Надя сделала...
Медики скажут потом:
– Надина кофточка белая
стала отличным жгутом!

В пятой палате

Перелесок осенний реденький.
След – кровавая полоса...
До молекулы взвесили медики
бытие – на аптечных весах.
В тишине госпитальной палаты
искру веры
в оплавленный воск
заронили люди в халатах,
и сраженье за жизнь началось.
В арсенале хирурга –
не скальпель –
проникающий лазерный луч...
При утечке секунд и капель
крови...
воздух эфирно летуч.
Человека кромсали и штопали,
пеленали в бинты и гипс...
Батальоны с учений протопали
по латуни отстрелянных гильз.

Отступили несносные боли.
Разрешили врачи посидеть
на постели, с минуту, не более...
Наде больно на Глеба глядеть.
На висках серебрингами снег.
Сколько песен хороших не спето!
За окном благодать – бабье лето:
наслаждайся, дыши, человек!
Из везучих – ты самый везучий.
А казалось, что дело – труба.
Подымалась и падала с кручи
белокрылая чайка – судьба!..
А в соседней палате трезвонили
и судачили с глазу на глаз,
поразмыслив, повыведав,
поняли:
упекут капитана в запас...
И уже –
от такого пророчества –
Круг приятелей сузился вдруг...
И вгрызается
в суть одиночества
острым скальпелем
время – хирург:
и часы, и минуты –
на стрелках.
Врачеватели стали добрей...

Милосердия брат –
в посиделках.
Медик!..
Милый, живого побрей! –
В колбе спирт
пузырится и булькает.
Склянка режет сухую ладонь...
И снотворное убаюкивает...
Капитана зовет Пошехонь.

* * *

...По росе, копытами примятой,
Глеб идет из юношеских лет
в тихий вечер...
Травы пахнут мятыей,
и плется тень ему вослед.
Ловит слух – далекое, родное –
в перезвонах медных бубенцов,
и струится молоко парное
из тугих буренкиных сосков.
На долу, за крайним огородом,
где пасут буренок пастухи,
паренъки, нетутошние родом,
растянули хромкины мехи –
вот – не те нащупают аккорды
и сорвут гармони голоса...

Но скучавить в этакие годы
не дают им девичьи глаза...
Что-то шепчет тростнику речонка,
Расшумелась на ветру ветла.
Из села заречного девчонка
в косы пару ландышей вплела.
По траве, копытами примятой,
на свиданье к ней шагает Глеб.
Вечереет. Травы пахнут мятыей.
В лунной речке серебрится серп...

* * *

Медик в стерильном халате
тихо бормочет в усы:
– Слышите!..
В пятой палате
остановились часы!
На возвращение в небо
мало осталось надежд...
Мне бы взлететь еще, мне бы
Взять этот главный рубеж!
Здесь у ходячего гонор,
у неходячего – бред:
– Милая девушка-донор!
Вашею кровью согре! –

Около огнища найдены ягоды в ближнем лесу.
Спелые ягоды Надины:
– Ешьте! Еще принесу!
Ягод в малиннике много:
я про запас набрала. –
Надя! Надежда-подмога!
Как ты добра и мила!

Отставка

К вере, любви и надежде –
медики в белой одежде!
Для обозренья – на форуме
летно-подъемный состав.
Летчик одет не по форме,
четко со стула привстав,
ждет....

Обстановка давит:
жутко, по коже мороз...
Главный Совет заседает –
нервы у всех на износ.
Воины мирной профессии:
«Живо, ребята, не трусь!»
Шапочка на профессоре –
белый двуглавый Эльбрус.

Многих спасли от недуга
добрые руки хирурга...
Невропатолог – фигура –
«конь»,
вроде знака вопроса,
ерзает: ждет перекура,
киснет во рту папироса.
Книгу приказов листает
главный судья – терапевт –
и, полистав, читает
медленно, нараспев...
Знает параграф приказа:
щурит лукаво глаз...
Пауза...
Едкая фраза:
– Вас!
По приказу – в запас! –
Медный у медика голос.
Страшен его приговор.
Вновь тишина раскололась:
– Следующий, на ковер!..
Шок –
«Вот и все!»
Но отчаянье
летчик в душе превозмог.
Сквозь гробовое молчанье
к выходу резкий рывок...
– Стоп!

Небольшая поправка:
Вам – по приказу –
отставка!..
Кости заныли на сломе.
Хочется выйти на свет,
в узком дверном проеме
выкрик Истомина:
– Нет!

Глеба в горячке было...
Только горячка прошла,
с Надей свидание было.
Лада нарядной пришла.
Он попросил на прощанье:
– Ладушка! Рядом присядь!
...Дали они обещанье –
чаще друг другу писать.

II

Родня

Дом родительский, родильный.
Просыпается изба:
будит сон петух-будильник,
как армейская труба.

С полшестого пышет печь:
мать блины спешит испечь.
Самовар поет – к шести –
не пора ль на стол нести?!

Обрядит – к семи – скотину,
снова – стирка да шитье...
Намекнула мама сыну:
– Ой, малина – не житье!..

Восемь:
сын уходит в школу –
по сиреневому долу.
В полдевятого звонок,
начинается урок...

Каждый день одно и то же –
десять лет тому назад:
боже, стариться негоже,
окна смотрят в палисад.
Две березовые кроны
догорают над избой.
Две картавые вороны
затевают шумный бой,
резво хлопают крылами
близ грачного гнезда.

Над вечерними дворами
в небе вызрела звезда.

Как ежи, на елях лапы.
По домам поют сверчки.
Электрические лампы
зажигают старички.

Без погон,
в пилотской робе,
пошехонец-борода.
На столе –
при прочей сдобе –
деревенская еда:
аржаной домашний хлеб
да засол капустки.
Погляди, Истомин Глеб,
в доме все по-русски:
хлеб да соль,
еще – картошка...

В блюде липовая ложка –
домра с добрую ладонь!
Угощайся, пошехонь!

Кроме щей да огурца,
в чугунке баранина.
То ж –
под нож
пошла овца:
бирюком поранена...

Здесь и рыжик есть,
и груздь...
Где веселье –
там и грусть.

На стене –
в багетной раме –
победителя портрет –
и реликвия, и память
отпремевших ратных лет:
в гимнастерке с орденами
батя – гвардии сержант,
улыбающийся маме,
будто в чем-то виноват.

– Фронт прошел! –
родная тихо
о солдате говорит,
– Слег Фома: свалило лихо –
клещевой энцефалит...
Спит родитель на погосте
под звездой железною...
Братовья отцовы – гости –
мысль дают полезную:
– Поступай в артель, племяиш!
Ты – Истомин! Значит, наш!

Твой удел – село родное –
хлеборобское село!
Дело нужное – земное.
Полеводство – ремесло
пахотное, хлебное:
и душе потребное!

А душа!
Она – цыганка –
угадает иль соврет?!

Миру
скатерть-самобранка
хлеба даром не дает.
Заработал – кус отрежь!
Не работаешь – не ешь!...

Род истоминский сполна
у закусок... без вина.
Тут же и Земцovy –
шурины отцовы:
в дом дядья приглашены –
с материнской стороны.

Родич родича родней
справа и налево –
до макушки от корней –
тутошнее древо.

В разговорах про корма
вся номенклатура...
Выпить хочется, весьма, –
такова натура.

На родню глядит родня,
словно угли из огня.
По щеке кому-то хлестко
чья-то хлещет пятерня.
Спать не будешь:
стелют жестко...
За столом сидит родня.
Кус – не в рот.
Корм – не в коня.
Проходи на босу ногу,
сам себе ищи дорогу...
И колюча ж ты, стерня!

Деревенщина – порода,
зачатая предками,
вся в себя любого рода
с дедами и детскими...

– Грунья!
Где ж твоя настойка?
– Нет настойки у меня.
Отменяется попойка.
Без вина повестка дня!
И разъехалась родня.

Содержание

Приземление	7
Дорога на Сохоть	53
Пошехонцы	77

Все падают в ловушку
Семьи, изменившиеся
домина зловитая несть
«Иная находитсѧ антиха,
как море заливается здесь»
В местах скованных счаствий
смерть и охотничих пред
стимбовстроены зодиевы товарищи
златовид кирас под знатою
Удивлен диктор в муниципе
На захваченном гряде
«Даешь познанье в познанье»
Изучи время иностранные
И вспомниши из страны ты,

Владимир Михайлович Патаралов

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Поэмы

Редактор Е. И. Борисов

Технический редактор Л. А. Бадеева

Корректор В. Б. Круглова

ЛР № 040666

Подписано в печать 12. 02. 2001. Формат бумаги и доля листа
70x90^{1/2}. Печать офсетная. Объем 4,0. Усл. п. л. 4,68.

Заказ № 5324. Тираж 1000 экз. Изд. № 01. Цена свободная.

Тверское областное книжно-журнальное издательство,
г. Тверь, пр. Чайковского, 26

Областная типография, г. Тверь, Студенческий пер., 28